

Настроившись против правительственных школы и привилегированной деятельности, Лев Николаевич, повидимому, не находил никакого удовольствия советовать сыну, как ему лучше использовать университетское образование.

— Ну, все-таки, за какое же дело мне взяться? — допытывался Сергей Львович.

— Да вот, хоть возьми метлу и отправляйся мести улицу!..

Этот ответ так поразил Сергея Львовича, что он заплакал и отошел от Льва Николаевича, давая себе слово никогда больше не обращаться к отцу за советом.

Еще одна деталь. Не хочется, чтобы она ускользнула от беспристрастного исследователя души и жизни Толстого.

Д. П. Маковицкий, спутник Льва Николаевича при уходе из Ясной Поляны, говорил мне, что когда в ночь на 28 октября 1910 г., они со Львом Николаевичем ехали вместе в старой, обтрепанной коляске на ст. Щекино (7 верст от Ясной Поляны), то, по наблюдению Душана Петровича, Лев Николаевич был раздражен, сердит.

На себя ли он сердился, что так долго не мог осуществить заветной мечты — порвать с Ясной Поляной? На безумную ли жену, отравившую ему последние месяцы жизни в родном углу? Или — на унижительное поведение несчастной женщины в самую ночь ухода, когда она, со свечей в руках, прокралась в его кабинет, чтобы произвести осмотр бумаг в ящиках его письменного стола, а он сквозь щель в двери заметил из своей спальни этот свет и слышал шелест перебираемых бумаг? — Кто знает!..